

I

Десятки тысяч обступают склоны.
Элады цвет для жертвы собран тут.
Сквозь утренние сумерки идут
Волнами меди стройные колонны.

И жаворонки с песней заревою
Взлетают в небо; крыльям нет числа.
Долину полнит песня их, света,
Несома ими вдаль над синевою.

Огромный мир застыл в дремоте сладкой.
Еще не веют ветры поутру.
Звезда горит невинною лампадкой.

И лишь Эвбея — в солнечном пару.
Восходит солнце из пучины гладкой.
А перед войском враг — шатёр к шатру.

II

Усеян берег бурыми шатрами,
Как на поля напавшей саранчой.
И тысячи судов стоят стеной
В песке прибрежном чёрными бортами.

Гудят колонны дудками, рогами,
На латах греков блещет солнца зной,
На берег устремляются толпой,
Равнина покрывается полками.

В шатре сатрапа евнухи пищат,
Его гарем и жёны молят чуда.
Ведут военачальнику верблюда.

Они выходят. Царский знак поднят.
Тиары блещут у ворот, откуда
Выходит за отрядами отряд.

III

В середине — войско персов бородатых.
Их луки и короткие клинки
Египетские видели пески
И гнали Крёза из дворцов богатых.

Ливийцы со стальными тетивами
Верблюдов погоняют вскачь горбатых,
За ними — войско скифов волосатых
С обрезанными коротко стрелами.

Шагают негры, сальны и тучны,
Перекликаясь рёвом, как быки;
Вавилоняне — с кожей цвета хны,

Раскрашенные, словно мясники.
И свищет плеть и гонит в ад войны
Людей и тварей грозные полки.

IV

Фракийцы, выбегая из шатров,
Горланят гимны Либеру, Приапу.
Съезжают колесницы вниз по трапу,
И блещут косы, как среди хлебов.

Под рёв бактрийских боевых рогов
Слонов индусы смуглые ведут,
И по спине качающейся бьют
Наездники колючками шипов.

Несут родосцы на ремнях брони
И на щите, в который бьют мечом,
Божественного Солнца лик в венце.

Критяне напрягли пращей ремни.
Фокейцам фаллос увенчал шелом.
И элины-предатели в конце.

V

Леванта пышность. Оргия Востока
На отмель напирает и растёт,
На солнце красным, золотым цветёт.
Тела, одежды, панцири. Широко

Несётся крик: несметный, громовой.
Как будто воеет в гулких стойлах скот.
Их вопль то вспухает, то спадёт,
Как ураган, что растревожил рой.

Ревут быки, на жертвенник ступая.
Жрецам святых Кибелиных грудей
Сулит победу их кишка тугая.

Военачальник едет вдоль цепей,
Всё войско на колени повергая
И освящая пыль стопой своей.

VI

Велению древней строгости покорны,
Афиняне на битву восстают,
Безмолвной вереницею идут.
Лишь по земле сандалий стук прворный.

Во славу демократии своей
Европы правота стоит за вами,
Идёт на копья с вашими щитами
Гармония свободы всех людей.

В руках фаланги — меч самой Паллады.
И к тирании ненависть святая
Ведёт вас в бой, не требуя награды.

Вперёд, себе бессмертие стяжая!
Посланники свободы всей Эллады,
Вы к вечеру падёте, умирая.

VII

Летят по ветру стрелы, словно тучи.
Щиты от их ударов цепенеют.
Скрипят баллисты, камни в воздух сеют,
И стонет катапульты блок могучий.

Два войска вдруг ударили, сошлись.
Вгрызаются друг в друга, как собаки.
Пирует смерть среди жестокой драки,
Где ногти в тело до крови впились.

И колесницы с косами летят
Кровавой жатвой сквозь поток людской.
За ними — трупы просекою в ряд.

Слоны идут ревущей стеной.
Погонщики их жалами язвят,
И те топчут в ярости слепой.

VIII

Дрожит середина строя, на простор
Тылы отводит дальше от воды.
Таран персидский топчет их ряды,
Ужасен наступающих напор.

И многим грекам ночь смежила взор.
Один, теряя шлем, пал на колени,
Другой, копьём пронзённый, корчась в пене,
В пыли свои доспехи распротёр.

Вздымают негры тяжкие дубины,
Со спин слонов летят в толпу огни,
Влетают скифы в месиво ложбины.

Как воды сносят укреплённый вал,
Так с воем, рёвом движутся они.
Фаланги строй их натиск не сдержал.

IX

Держитесь! Фланги устремились в бой,
Как крылья, распростёрлись по полям.
Чу! Слышен подкреплений грозный гам,
Пеаны громкой песни боевой.

Несутся в суматохе битвы боги:
Пускает стрелы сребролукий Феб
Арея-мужегубца глас окреп,
Вмещаю море, твердь, небес чертоги.

Власы ужасной гривой подняв,
Он поднимает меч среди толпы.
Враги бегут, отвагу растеряв.

К судам текут, от ужаса слепы,
Но жнёт Арей, безумен и кровав,
И грекам не сойти с его тропы.

X

И тучей смрад наполнил ад войны.
Горячий день над пустошью широкой.
Скользит в тумане солнечное око.
Горят поля, от копоти черны.

Смердят на трупах раны и разрубы,
Но раненые, жаждою томимы,
Ползут сквозь давку падающих мимо
И кровью мажут сохнувшие губы.

Вот грек и перс, почти уж бездыханны,
Ползком внезапно встретились в пыли:
В груди и в животе зияют раны.

Но перс сильнее. Эллин удушён.
И лижет враг густую кровь с земли,
И ловит ртом ручей кровавый он.

XI

Но сдох и он, похищен горькой долей,
Всевластной смерти тлеющий трофей.
И обнялись тела врагов тесней,
Похожи на влюблённых поневоле.

Стервятники слетаются скорей,
Внимательно на жатвенное поле
Со скал глядят в предчувствии застолий,
Как сторожа театра у дверей.

Как зрители, теснятся вокруг арены,
Всё новые летят со всех сторон.
От птиц темнеют скал крутые стены.

Покрыт гостями весь восточный склон,
Почувявшими дух кровавой пены.
К столу придвинут пиршественный трон.

XII

А персы, всё надеясь на победу,
Вдали от битвы на равнине ждут.
Им кажется: враги уже бегут,
Мертвы или гонимы прочь по следу.

Размахивают негры топорами,
Наотмашь руки рубят мертвецам,
Браслеты, кольца прячут по мешкам.
Из-за добычи машут кулаками.

Срывают пробки с питьевых амфор
Фракийцы, пьют и нежатся в шатрах.
Снимают скифы с ног железо шпор.

Слоны пасутся сонно на песке.
Наёмники же собирают прах,
Чтоб мёртвых в путь отправить налегке.

XIII

Но вот дозорный в ужасе, крича,
Вбегает к ним: «К оружию! Скорей!»
И с криком мчится, мертвеца бледней,
Он по рядам без шлема и меча.

Они встают, но, руку приложив
К глазам, не видят ничего они.
Клубы над полем кружатся одни,
В огне не видно, кто там мёртв, кто жив.

Малютка-скиф, чтоб дальше заглянуть,
Фракийцу вмиг на голову залез.
Он смотрит, словно с башни, в дым и муть.

С оружием своим наперевес
Стопились воины, готовы в путь,
И ждут от скифа радостных словес.

XIV

Идут минуты. Смотрит сын степей
Сквозь дымный вал, окутавший поля.
И вдруг — оружий блеск, гудит земля.
«Там греки! Все к оружию! Скорей!» —

Кричит он, но стрелой, Эринний злей,
Влетевшей в рот ему, он поражён.
В песке могилу обретает он.
Пыль забивает слабый хрип трахей.

К мечам тогда кидаются другие,
Клинки из рук братьев вырывают,
Хватаются за тетивы тугие.

Крича, пращи камнями заряжают,
Из ножен достают мечи чужие,
И толпы на повозки напирают.

XV

Вотще. Их режут греки, как овец.
И как вода из спрятанных мехов,
Так хлещет кровь из шей и животов.
Рядами пав, находят свой конец.

Уж грекам кровь доходит до колен
Они скользят, спеша по трупам гладким
Косцам подобны, на убийство падким.
Отпора нет. Лишь бег, и смерть, и плен.

Как скот от мух, по полю напрямик
Гонимы, прочь без памяти спешат.
«К судам! К судам!» — безумный слышен крик

Вдоль пастбищ, рвов, трясин и топких блат.
Мечом передний заднего настиг,
Бросая шлем и грудь тяжких лат.

XVI

Не удержать толпу воротам стана.
Бегущие на створки напирают,
На них тела валами наплывают,
Как на теснину волны океана.

Уж тысячи задавлены пучиной.
Поток стремится узкими путями,
Проносится над смятыми шатрами,
Сгущается растущей лавиной.

Детей, наложниц, жён втоптали в грязь,
С больными опрокинули подводы,
В ужасном страхе к кораблям стремясь.

Кружатся толпы, тщетно ищут броды,
Всему живому смертью становясь,
Бросаясь сходу в гибельные воды.

XVII

Скользя, суда спускаются в залив,
В волну отнесены на сотнях спин.
Вот толпы осадили борт один,
Своею массой судно утопив.

Полощут паруса над кораблями,
Над палубами сотнями парят.
Секирой рубят якорный канат
Гребцы, отталкивая дно шестами.

На палубе и в трюме — всюду тросы.
Бегут скопцы, рабы, жрецы, солдаты
Их крик и топот ускоряют спешку.

В воде — побег и битва вперемешку.
Плывут слоны, и, яростью объята,
Крушат суда индийские колоссы.

XVIII

От их толчков качаются суда.
По швам крутая палуба трещит.
Скамья с гребцами гнётся и скрипит.
В пробоины, бурля, течёт вода.

Ломая вёсла, как сухой тростник,
Свой хобот тянут, в ярости слепы,
Несчастных жертв хватают из толпы,
Что, вверх взмывая, исторгают крик.

На хоботы накинута петля.
Крушат слоновьи бивни топорами.
Гарпуны мечут, красит кровь клинок.

Два смельчака ныряют с корабля,
Слонам взрезают жилы над ступнями,
И падают чудовища в поток.

XIX

Ползут суда меж трупов их огромных
На волю, в море. Паруса полны
Ветрами, и взбивают гладь волны
Гребцы, пыхтя на вёслах в трюмах тёмных.

Как мухами, людьми корабль кишит,
На мачтах и на палубах висят,
Бессмыслен их уставившийся взгляд
И страшен, вял, уныл и болен вид.

Забились полководцы по углам.
В лицо им проходящие плюют.
Они не видят. В их глазах опять —

Лишь дыбы колесо, что ждёт их там,
Где царь царей, неумолим и лют,
И знают: смерти им не избежать.

XX

На берегу пустынном — греков строй.
Глядят они, как мчатся корабли
И пропадают в сумрачной дали,
Где в море небеса стоят стеной.

Глядят и видят: Гений трон воздвиг —
Грядущей воли славит времена.
Сияет небожителей страна,
И раздаётся их победный крик.

Озарены небесными лучами
И стар, и млад. Обнявшись строй стоит.
Гремят святые гимны над волнами,

Хвала богам над берегом летит,
И тысячи им вторят голосами.
Застёгивает обувь Фидиппид.

XXI

Течёт на запад вечер голубой.
Идёт с востока ночь. Из моря в ряд
Выходят звёзды, над волной горят.
И в бухте свой напев ведёт прибой.

Но бодрствуют греки над телами
Погибших. Отворяет глубь могил
Им Проводник. И из последних сил
За ним стремятся тени облаками.

У них земля сомкнулась за спиной.
За провожатым следуют вдогон,
И скоро их накроет глубиной.

По тёмным шахтам мчат со всех сторон.
Спешит под землю молчаливый рой,
Туда, где плещет тёмный Ахерон.

XXII

Каморки, коридоры, переходы —
Похоже на осиное гнездо
Аида подземелье. Как водой,
Тенями мёртвых заполняет своды.

Волнами оседают здесь народы,
В крошечной тьме, во мраке галерей.
Вокруг толпа бессчётная теней —
Немой эскорт защитников свободы.

Встают бойцы погибшие у трона,
Где голова Аида вознеслась,
Где тучами оплетена корона.

По сумрачным жилищам расходясь,
Текут они в ворота обречённо,
Клубами дыма в темноте струясь.